

RU

Социальная реальность как онтологическая основа
соотношения нравственности, морали и права:
от антропоцентричной объективации
к кибернетической интерсубъективности

Большаков Е. В.

Аннотация. Цель настоящей статьи – разработка расширенной онтологической модели социальной реальности, объясняющей генезис, трансформацию и взаимодействие нравственности, морали и права с учетом вызовов цифровизации и включающей механизмы обратного влияния права на мораль. В статье осуществляется концептуальное осмысление онтологических оснований нормативных систем. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем вводится понятийный аппарат «гибридной субъективности», «цифровой интерсубъективности» и «нормативного кругооборота», позволяющий преодолеть ограниченность как антропоцентричного, так и технократического подходов в понимании нормативных систем. Обосновывается тезис о том, что источником нормативности в XXI веке выступает не изолированный человеческий субъект, но субъект, взаимодействующий с цифровым пространством, а механизмом выбора норм служит трансформированная цифровыми технологиями интерсубъективность, требующая новых этико-правовых гарантий своей подлинности. Право концептуализируется не как пассивный продукт моральной эволюции, а как активный педагогический фактор, формирующий нравственные интуиции будущих поколений. В результате исследования сформулированы контуры новой концепции в понимании соотношения нравственности, морали и права – парадигмы антропо-технологического синтеза. В данной парадигме социальная реальность едина, но гетерогенна, она представляет собой сложную систему, элементами которой являются: человеческая субъективность; интерсубъективные структуры; технологические (цифровые) артефакты, обладающие собственной агентностью и способностью модифицировать социальные связи. Представленная концепция означает, что человеческое должно быть переосмыслено в новом, более сложном контексте.

EN

Social reality as the ontological basis
of the correlation between ethics, morality, and law:
from anthropocentric objectification to cybernetic intersubjectivity

E. V. Bolshakov

Abstract. The research aims to develop an extended ontological model of social reality that explains the genesis, transformation, and interaction of ethics, morality, and law, while accounting for the challenges of digitalization and incorporating mechanisms of the reverse influence of law on morality. The article provides a conceptual analysis of the ontological foundations of normative systems. The scientific novelty lies in the introduction of a conceptual framework involving “hybrid subjectivity”, “digital intersubjectivity”, and “normative circulation”, which allows for overcoming the limitations of both anthropocentric and technocratic approaches to understanding normative systems. The study substantiates the thesis that the source of normativity in the 21st century is not an isolated human subject, but a subject interacting with digital space. Furthermore, the mechanism for selecting norms is an intersubjectivity transformed by digital technologies, requiring new ethical and legal guarantees of its authenticity. Law is conceptualized not as a passive product of moral evolution, but as an active pedagogical factor shaping the moral intuitions of future generations. The research results outline a new conception of the relationship between ethics, morality, and law – the paradigm of “anthropo-technological synthesis”. Within this paradigm, social reality is unified yet heterogeneous; it represents a complex system comprising human subjectivity, intersubjective structures, and technological (digital) artifacts possessing their own agency and the capacity to modify social ties. This conception implies that the “human” must be reconsidered within a new, more complex context.

Введение

Проблема соотношения нравственности, морали и права принадлежит к числу вечных вопросов социально-философского знания. На протяжении тысячелетий – от платоновского «Государства» до современных дискуссий о биоэтике и цифровом праве – человеческая мысль бьется над вопросом: откуда берутся нормы, регулирующие нашу совместную жизнь? Где их онтологический фундамент? Существуют ли они объективно, подобно законам природы, или же являются исключительно продуктом человеческого творчества?

Назрела необходимость фундаментального переосмысления самой онтологической схемы. Главный вызов можно обозначить как деантропоморфизацию источника норм и радикальную трансформацию субъективности.

Сегодня, в условиях цифровой реальности, наши желания, страхи, убеждения – а значит, и нравственные интуиции – формируются алгоритмами, рекомендательными системами. Нейросети генерируют тексты, изображения, музыкальные произведения, которые неотличимы от созданных человеком и способны влиять на общественные настроения. «Общественное мнение» в цифровую эпоху может быть симулировано ботами.

Более того, концепция о том, что единственным источником новообразований в общественном сознании служит именно индивидуальное сознание (Дубровский, 1983), нуждается в критической ревизии. Индивидуальное сознание в современную эпоху с раннего детства формируется в цифровой среде, его когнитивные процессы «распределены» между мозгом и смартфоном, оно постоянно взаимодействует с интеллектуальными агентами.

Возникает необходимость создания адекватной философской основы для законодательства в сфере искусственного интеллекта, для защиты конфиденциальности и идентичности, для борьбы с цифровыми манипуляциями. Если право по-прежнему будет мыслиться как объективация «народного духа» или «общественного мнения», не отдавая себе отчета в том, что этот «дух» и это «мнение» могут быть сконструированы алгоритмически, мы рискуем оказаться в мире тотальной симуляции нормативности, где законы легитимны лишь по видимости.

Актуальность предлагаемого исследования определяется комплексом факторов, имеющих как теоретическое, так и практическое измерение.

Во-первых, современное общество переживает глубокий ценностно-нормативный кризис. Распад традиционных сообществ, атомизация индивидов, снижение уровня доверия к социальным институтам – все это ставит под вопрос саму возможность моральной и правовой регуляции. В поликультурных обществах сталкиваются различные ценностные системы, каждая из которых претендует на универсальность, что делает невозможным достижение консенсуса на основе традиционных механизмов.

Во-вторых, цифровая революция создает принципиально новые формы социального бытия – виртуальные пространства, где отсутствуют привычные механизмы intersубъективной оценки (непосредственная реакция Другого, авторитет традиции, сила общественного мнения). Социальные сети, онлайн-игры, метавселенные становятся полем нормативного эксперимента, результаты которого непредсказуемы и часто разрушительны для традиционной морали.

В настоящем исследовании необходимо решить следующие задачи:

- 1) изучить классические и современные подходы к пониманию онтологических оснований нравственности, морали и права, выявив эвристические ограничения антропоцентричной модели (Д. И. Дубровский) и эвристический потенциал теорий, учитывающих роль intersубъективных структур (герменевтика Х.-Г. Гадамера, психоанализ К. Г. Юнга) и нечеловеческих агентов (акторно-сетевая теория Б. Латура);
- 2) исследовать феномен трансформации субъективной реальности под влиянием цифровых технологий и определить концептуальные основания для введения понятия «гибридная субъективность», описывающего взаимодействие человека и алгоритмической среды как нового источника нормативных идей;
- 3) исследовать специфику процесса intersубъективной оценки норм в цифровом пространстве и определить критерии подлинности «цифровой intersубъективности»;
- 4) изучить механизм превращения нравственных идей в моральные нормы и определить различие между эмпирическим уровнем социальной динамики и нормативным уровнем дискурсивного обоснования;
- 5) исследовать механизмы обратного влияния права на мораль и нравственность и определить концептуальные параметры понятия «нормативный кругооборот», описывающего замкнутый цикл зарождения, отбора, объективации и педагогической интернализации норм;
- 6) определить контуры новой исследовательской парадигмы – антропо-технологического синтеза, – в рамках которой социальная реальность предстает как гетерогенное единство человеческой субъективности, intersубъективных структур и технологических артефактов, обладающих собственной агентностью.

Методологическая база исследования носит комплексный характер и включает: онтологический анализ – для выявления фундаментальных структур социальной реальности и места в них нормативных феноменов; феноменологический метод – для исследования субъективной реальности как первичного локуса нравственных идей, анализа интенциональных структур сознания; герменевтику – для понимания роли традиции, языка и культурного бессознательного в формировании индивидуальных нравственных интуиций; теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса – для конкретизации механизмов intersубъективной оценки норм как процесса рационального обоснования притязаний на значимость; акторно-сетевую теорию Б. Латура – для анализа роли технологических артефактов (алгоритмы, нейросети) в социальных взаимодействиях и их агентности; сравнительный и междисциплинарный анализ – для сопоставления различных подходов к пониманию нормативности и интеграции достижений смежных дисциплин (социология, психология, теория права).

Теоретическая база исследования состоит в совокупности научных исследований, посвященных проблеме идеального (Дубровский, 1983), вопросам коммуникативного действия (Хабермас, 2000), герменевтики (Гадамер, 1988), герменевтической феноменологии (Хайдеггер, 2023), психоанализа (Юнг, 1991), акторно-сетевой теории (Латур, 2006).

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что в нем впервые предложена расширенная онтологическая модель социальной реальности, интегрирующая классические представления о генезисе нормативных систем с вызовами цифровой эпохи. Эта модель характеризуется следующими особенностями:

1) преодолевается ограниченность как антропоцентричного, так и технократического подходов. Человек не растворяется в технологической среде, но и не остается изолированным субъектом; он вступает в гибридные отношения с алгоритмическими агентами, что требует нового понимания субъективности и авторства;

2) конкретизируется механизм интерсубъективной оценки за счет синтеза с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Мораль предстает не как результат стихийной «борьбы идей», а как продукт сложного взаимодействия эмпирической конкуренции и нормативного дискурса;

3) вводится в научный оборот понятие «гибридной субъективности», «цифровой интерсубъективности» и «нормативного кругооборота», создавая тем самым категориальный аппарат для дальнейших исследований нормативной динамики в условиях цифровой реальности;

4) снимается оппозиция между естественно-правовым и позитивистским правопониманием, показывается, что право одновременно является и продуктом объективации моральных идей, и активным фактором их формирования. Тем самым закладываются основы единой теории нормативности;

5) интегрируются достижения различных философских традиций – феноменологии (анализ субъективной реальности), герменевтики (роль традиции), теории коммуникации (дискурсивное обоснование), акторно-сетевой теории (агентность нечеловеческих сущностей) – в единую теоретическую рамку.

Результатами исследования являются:

1) введение понятия «гибридной субъективности». В отличие от классического понимания субъективной реальности как исключительно человеческого феномена, обосновывается тезис о том, что в цифровую эпоху субъективность формируется в симбиозе человека и технологической среды. Алгоритмы выступают не просто внешними инструментами, но со-авторами когнитивных и эмоциональных состояний человека, включая нравственные интуиции;

2) концептуализация «цифровой интерсубъективности». Процесс интерсубъективной оценки норм в современном мире происходит не столько в физическом пространстве непосредственной коммуникации, сколько в цифровой агоре. Это пространство имеет собственную онтологию, характеризующуюся новыми рисками (эхо-камеры, симуляция консенсуса) и требующую новых критериев подлинности;

3) разработка модели «нормативного кругооборота». Преодолевая линейность схемы «нравственность – мораль – право», демонстрируется, что право, будучи объективацией моральных идей, само начинает оказывать формирующее воздействие на общественное сознание, задавая образцы должного поведения и способствуя интернализации закрепленных в законе ценностей. Тем самым создается замкнутый цикл нормативной динамики;

4) рассмотрение онтологии нравственности, морали и права с позиции интеграции с теоретическими ресурсами современной философии – теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса (для конкретизации механизмов интерсубъективной оценки), герменевтикой Х.-Г. Гадамера (для понимания роли традиции), акторно-сетевой теорией Б. Латура (для объяснения агентности нечеловеческих сущностей).

Практическая значимость исследования не менее важна и может быть реализована в нескольких направлениях.

Предложенная модель дает четкий критерий легитимности правовых норм: закон легитимен в той мере, в какой он является результатом подлинного (несимулированного) цифрового интерсубъективного консенсуса и/или сознательно направлен на формирование социально-полезных моральных ориентиров. Это позволяет диагностировать природу правового нигилизма: он возникает при разрыве в любой части нормативного кругооборота.

Принципы подлинной цифровой интерсубъективности (прозрачность алгоритмов, идентификация субъектов, защита от манипуляций) могут и должны стать основой для правового регулирования цифровых платформ и систем искусственного интеллекта. Законодатель получает философски обоснованные ориентиры для разработки нормативных актов в этой новой сфере.

Модель позволяет точно определить, на каком этапе нормативного кругооборота происходит сбой: закон опережает мораль (и поэтому отвергается общественным сознанием), мораль сконструирована искусственно (через манипулятивные технологии), субъективность подавлена алгоритмической средой (утрата автономии). В зависимости от этого могут предлагаться различные стратегии коррекции.

Предложенная модель ориентирует законодателя на более глубокий анализ общественных настроений, ценностных ориентаций различных групп, а не просто на следование политической конъюнктуре. В условиях мультикультурных обществ она подсказывает путь поиска «перекрывающихся консенсусов» – правовых норм, объективирующих те моральные представления, которые разделяются разными культурными группами.

Понимание сложной диалектики нравственности, морали и права, а также влияния на них цифровых технологий должно стать частью правового образования и воспитания граждан, способствуя формированию зрелого правосознания и устойчивости к манипуляциям.

Обсуждение и результаты

Из концепции Д. И. Дубровского (1983) следует, что единственным источником новообразований в общественном сознании служит именно индивидуальное сознание. Обращение к герменевтической традиции (Гадамер, 1988) и психоанализу (Юнг, 1991) позволяет увидеть ограниченность этой позиции. Индивид всегда уже застает себя в мире, пронизанном смыслами, которые не им созданы. Язык, традиция, культурное бессознательное – это не просто сумма индивидуальных мнений, а объективированные структуры, обладающие собственной инерцией и властью над индивидом. Как подчеркивает Гадамер (1988, с. 345, 355-363), историчность человеческого бытия означает, что мы всегда находимся внутри традиции, и она не является предметом произвольного распоряжения. Традиция выступает не как внешнее ограничение, но как та смысловая среда, внутри которой только и становится возможным индивидуальное творчество. Даже когда индивид бросает вызов традиции, он делает это, используя концептуальный и языковой аппарат, предоставленный ему той же традицией. Любое новаторство есть в этом смысле переосмысление, рекомбинация, актуализация уже имеющихся в культурном багаже элементов. К. Г. Юнг (1991) идет еще дальше, вводя понятие коллективного бессознательного – слоя психики, содержащего универсальные архетипические структуры, которые не являются продуктом индивидуального опыта, но наследуются и определяют формы нашего восприятия и переживания мира. С этой точки зрения нравственные интуиции могут быть не столько «изобретены» индивидом, сколько «актуализированы» им из глубинных слоев коллективной психики.

Для понимания генезиса нормативности это означает, что индивидуальное сознание не является «чистым листом», на котором нравственные идеи возникают с нуля. Оно всегда уже опосредовано языком, традицией, культурным бессознательным. Индивид – не столько творец, сколько медиум, через который проходят и трансформируются смысловые потоки, существовавшие до него. Однако здесь важно избежать другой крайности – вулгарного социологизма, полностью растворяющего индивидуальное в коллективном. Диалектика индивидуального и коллективного тоньше. Индивид действительно способен на прорыв, на создание принципиально новых смысловых конфигураций (достаточно, например, вспомнить этические революции, совершенные Сократом и Кантом). Но этот прорыв всегда осуществляется внутри традиции и с использованием ее ресурсов. Пророк не приходит в пустоту; он говорит на языке, понятном его народу, и адресует к тем смысловым структурам, которые уже есть в культуре, пусть и в латентном состоянии.

Таким образом, субъективная реальность индивида не является онтологически первичной в абсолютном смысле. Ей предшествуют интересубъективные структуры (язык, традиция), которые формируют ее и которые она, в свою очередь, способна трансформировать. Источником новообразований выступает не изолированный субъект, но напряженное поле взаимодействия между индивидуальным сознанием и объективированными структурами культуры. Эта диалектика «индивидуального творчества» и «власти традиции» должна быть учтена в онтологической модели нормативности.

Требуем концептуальной проработки механизм превращения индивидуальных нравственных идей в моральные нормы. История знает множество примеров, когда большинство поддерживало откровенно безнравственные идеи (рабство, дискриминацию).

Здесь необходимо рассмотреть нормативный (критериальный) аспект. Моральная норма отличается от простого статистически преобладающего мнения тем, что она претендует на общезначимость, на то, что ей должны следовать все, независимо от их желания. Эта претензия требует обоснования, которое не может быть редуцировано к факту поддержки большинством. Теоретический ресурс для решения этой проблемы предоставляет теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Согласно Хабермасу (2000), нормы не просто «побеждают» в социальной борьбе, но устанавливаются в процессе дискурса – особой формы коммуникации, свободной от внешнего и внутреннего принуждения, ориентированной на достижение взаимопонимания, а не на успех. Ключевые элементы модели Ю. Хабермаса, значимые для проводимого в настоящей статье анализа:

1) притязания на значимость. Любое речевое действие, выдвигающее нормативное требование, имплицитно содержит притязания на истинность (пропозициональный аспект), правильность (нормативный аспект) и искренность (субъективный аспект). Эти притязания могут быть оспорены и должны быть обоснованы в дискурсе;

2) идеальная речевая ситуация. Подлинный дискурс предполагает симметричное распределение шансов на участие, свободу от господства и манипуляции, ориентацию на аргументы, а не на власть. Хотя в реальности это условие никогда не достигается полностью, оно выступает как регулятивная идея, позволяющая критиковать искаженные формы коммуникации;

3) дискурсивное обоснование норм. Норма может считаться легитимной, если она получила (или могла бы получить) согласие всех потенциально затрагиваемых участников в условиях свободного дискурса. Формула Ю. Хабермаса: «Действительны только те нормы, с которыми все возможные участники могли бы согласиться как участники рационального дискурса» (2000, с. 145-154).

Применение этой модели к анализу «интерсубъективной оценки» позволяет конкретизировать этот процесс. Нравственная идея, возникшая в индивидуальном сознании, становится моральной нормой не тогда, когда она просто обретает поддержку большинства, а когда она выдерживает испытание дискурсом – когда ее притязания на значимость признаются обоснованными в свободной от принуждения коммуникации.

Это различие критически важно для понимания нормативных процессов в современном обществе. Массовая поддержка в социальных сетях еще не делает идею моральной нормой; зачастую мы имеем дело с «шумом», сгенерированным манипулятивными технологиями. Подлинная intersубъективная оценка требует публичного пространства, где возможна аргументированная критика, где сталкиваются различные позиции, где достигается не просто согласие, а консенсус на основе лучшего аргумента. Социальная реальность не является идеальным дискурсом; в ней действуют власть, идеология, манипуляция. Но введение координат Ю. Хабермаса позволяет различить два уровня intersубъективной оценки:

1) эмпирический уровень – реальная социальная динамика, где идеи конкурируют, используя различные ресурсы (власть, деньги, медиа). Здесь действует «борьба за существование»;

2) нормативный уровень – идеальный коммуникативный процесс, в котором решается вопрос о легитимности нормы, ее праве на общезначимость. Этот уровень выступает критерием для критики эмпирических процессов: если норма утвердилась только через насилие или манипуляцию, но не выдерживает дискурсивной проверки, она не может считаться подлинно моральной.

Таким образом, intersубъективная оценка предстает как двуединый процесс: с одной стороны, это реальная социальная динамика (борьба), с другой – идеальное обоснование (дискурс). Мораль существует в напряжении между этими полюсами, и задача социальной философии – анализировать конкретные механизмы их взаимодействия.

Современный человек проводит значительную часть жизни в цифровой среде. Его коммуникации опосредованы интерфейсами, его информация фильтруется алгоритмами, его желания формируются рекомендательными системами. Смартфон стал не просто инструментом, но продолжением тела и сознания. Когнитивные процессы распределены между мозгом и внешними устройствами хранения и обработки информации. В этой ситуации классическое понимание субъективной реальности (как сферы, данной индивиду непосредственно и принадлежащей исключительно ему) размывается. Мои желания, страхи, убеждения – в значительной степени продукт взаимодействия с алгоритмами, которые «знают» меня лучше, чем я сам, и которые способны предсказывать и модифицировать мое поведение. Как отмечают некоторые исследователи, «...в условиях развивающейся цифровой реальности процесс социализации осложнен воздействием фактора цифровой медиаконвергенции, характер которой проявляется в том, что воздействие происходит посредством мультимедийных информационных продуктов и в условиях полимедийности коммуникативных каналов, где уровни опосредования «свернуты» (Кузнецова, Положенская, 2023, с. 39-40).

Автором предлагается ввести для описания этого феномена понятие «гибридной субъективности». Гибридная субъективность – это форма субъективной реальности, формирующаяся в симбиозе человека и технологической (цифровой) среды. Она характеризуется:

1) распределенностью. Носителем субъективности выступает не изолированный мозг, но человек в сочетании с технологической (цифровой) средой, включающей внешние устройства хранения и обработки информации;

2) проницаемостью. Границы между «внутренним» и «внешним» становятся проницаемыми; алгоритмы могут непосредственно влиять на эмоциональные состояния и когнитивные процессы;

3) алгоритмической опосредованностью. Восприятие реальности, включая социальную реальность, опосредовано алгоритмическими фильтрами, которые отбирают, ранжируют и интерпретируют информацию.

Это ставит фундаментальный вопрос: может ли алгоритм быть источником нравственной идеи? В строгом смысле – нет, поскольку у алгоритма отсутствует феноменальный опыт, без которого невозможно переживание добра и зла как внутренних состояний. Как подчеркивает Д. И. Дубровский (1983), идеальное существует только в форме субъективной реальности, предполагающей наличие «Я» и способности к переживанию. У нейросети нет «Я» и нет переживаний. Однако это не означает, что алгоритмы не участвуют в генезисе нормативных идей. Они выступают в двух важнейших ролях. Во-первых, как инициаторы. Алгоритм может предложить новую комбинацию этических дилемм, сгенерировать сценарий, который ставит человека перед моральным выбором, на который он без этого столкновения не обратил бы внимания. В этом смысле алгоритм выступает как катализатор нравственной рефлексии. Во-вторых, алгоритмы могут выступать как «модераторы» intersубъективности. Алгоритмы организуют цифровое пространство, в котором происходит коммуникация. Они определяют, какие сообщения увидят пользователи, какие мнения будут усилены, какие подавлены. Тем самым они активно участвуют в процессе intersубъективной оценки, хотя и не являются ее субъектами в полном смысле.

Более радикальный вызов связан с появлением генеративных нейросетей, способных создавать тексты, изображения, музыкальные произведения, которые неотличимы от созданных человеком. Этот вопрос не имеет простого ответа и требует пересмотра представлений об авторстве и источнике идей. Ситуация усугубляется тем, что в цифровом пространстве стирается грань между подлинным субъектом и его симуляцией. Боты могут имитировать человеческое поведение, участвовать в дискуссиях, выражать мнения. Они создают иллюзию intersубъективности там, где на самом деле имеет место программно-генерируемый шум. Все это означает, что модель нормативного синтеза должна быть расширена за счет включения в онтологию социальной реальности технологических агентов. Следуя интуициям акторно-сетевой теории Бруно Латура (2006), необходимо признать, что социальное не сводимо к взаимодействию только человеческих акторов; в него включены нечеловеческие сущности, обладающие собственной агентностью и способностью модифицировать социальные связи.

Применительно к рассматриваемой автором в данной статье проблематике это означает, что алгоритмы, нейросети, цифровые платформы – это полноправные участники процессов объективации и субъективации

нормативных идей. Они не просто пассивные инструменты; они активно формируют среду, в которой эти процессы происходят, и вносят в них собственные модификации.

Если признать, что субъективная реальность становится гибридной, а технологические агенты включаются в социальные взаимодействия, то неизбежно встает вопрос о трансформации самого пространства intersubjectивной оценки. Очевидно, что традиционные механизмы (публичная площадь, печатные издания, авторитет духовных лидеров) сохраняются, но все большее значение приобретает цифровая агора – пространство социальных сетей, форумов, мессенджеров, онлайн-медиа.

Цифровую intersubjectивность можно определить как форму intersubjectивности, опосредованную цифровыми технологиями и характеризующуюся следующими особенностями:

1. Коммуникация не привязана к физическому месту; участники могут находиться в разных точках планеты, что создает беспрецедентные возможности для обмена идеями, но одновременно разрывает локальные сообщества.

2. Коммуникация может быть как мгновенной, так и растянутой во времени, причем эти режимы причудливо переплетаются.

3. Участники могут скрывать свою реальную идентичность, что, с одной стороны, способствует свободе высказывания, с другой – снижает ответственность и провоцирует деструктивное поведение. Таким образом, актуализируется проблематика приватности. Например, Л. В. Удалова отмечает: «...приватность сегодня является не только личным правом, но и сложным социальным феноменом, требующим междисциплинарного анализа и системного регулирования. В условиях цифровой эпохи приватность приобретает новые черты, что требует ее переосмысления как трансформирующегося социального института» (2025, с. 21).

4. То, что увидят участники, определяется не их свободным выбором, а алгоритмами ранжирования, которые оптимизируются под удержание внимания, а не под качество дискуссии.

5. Вместо единой публичной сферы существует множество изолированных «эхо-камер» и «пузырей фильтров», где пользователи получают информацию, подтверждающую их уже существующие убеждения, и редко сталкиваются с альтернативными точками зрения.

Эти особенности создают принципиально новые риски для процесса intersubjectивной оценки. С помощью ботов и скоординированных действий можно создать видимость массовой поддержки той или иной идеи. Общественное мнение перестает быть спонтанным выражением позиций граждан и становится объектом технологического конструирования. Как отмечает Б. В. Марков, «традиционные ценности правды, справедливости, стыда, совести, ответственности, долга, прощения, любви в процессе цивилизации уступают место функциональным и формальным отношениям. Новый импульс в этом направлении дают цифровые технологии, открывающие возможность вынесения этических и юридических решений уже не людьми, а машинами» (2022, с. 512). Исследователи указывают и на то, что работа с цифровой средой актуализирует проблематику разработки новых этических норм. Так, например, Ю. В. Назарова пишет: «Перенос профессиональной деятельности в цифровое пространство ставит перед профессиональными сообществами новые вызовы этического характера, что предполагает переосмысление подходов к формированию кодексов профессиональной этики» (2024, с. 67).

Сбор и анализ больших данных позволяет выявлять «болевые точки» аудитории и адресно воздействовать на них, формируя нужные эмоциональные реакции и мнения. Это подрывает саму возможность свободного дискурса. Алгоритмы часто усиливают поляризацию, так как экстремальные мнения лучше удерживают внимание. В результате пространство intersubjectивной оценки превращается в поле битвы непримиримых позиций, где диалог невозможен. В условиях информационного шума и фейковых новостей подрывается доверие к любым источникам информации, включая научные и экспертные. Это делает невозможным достижение консенсуса на основе аргументов.

Перед лицом этих рисков нельзя просто констатировать трансформацию intersubjectивности; необходимо поставить вопрос о критериях подлинности цифровой intersubjectивности как нового явления социальной реальности. По этому поводу некоторые исследователи отмечают: «В процессе цифровизации рождается реальность, не сводимая ни к одному виду ранее известных реальностей. Она не описывается в онтологических терминах виртуальности, и в ней проявляется человеческая экзистенция» (Пржиленский, Пржиленский, 2024, с. 46).

Автором предлагаются следующие принципы подлинной цифровой intersubjectивности:

1. Прозрачность алгоритмов. Общественность должна иметь доступ к информации о том, как работают алгоритмы, определяющие видимость контента, и иметь возможность контролировать их влияние на публичную сферу.

2. Идентификация субъектов. Хотя полная деанонимизация невозможна, должны существовать механизмы, позволяющие отличать реальных людей от ботов и симулированных аккаунтов.

3. Защита от манипуляций. Необходимы правовые и технические механизмы, предотвращающие целенаправленные манипуляции общественным мнением и скоординированные кампании дезинформации.

4. Поддержка плюрализма. Платформы должны проектироваться так, чтобы способствовать столкновению различных точек зрения, а не изоляции пользователей.

5. Образование и медиаграмотность. Граждане должны обладать компетенциями, позволяющими им критически оценивать информацию и распознавать манипуляции.

Эти принципы не являются утопией; они могут и должны стать основой для законодательства в сфере цифровых коммуникаций. Право, таким образом, получает новую задачу: не только объективировать моральные консенсусы, но и создавать условия для их подлинного формирования. Право не просто пассивно фиксирует сложившиеся моральные представления; оно активно формирует их.

Можно выделить два основных механизма обратного влияния права на мораль:

1) педагогический механизм (культивация). Закон, устанавливая определенные модели поведения и запрещающие другие, задает образцы должного. Через социализацию, правовое воспитание, судебную практику эти образцы интернализируются индивидами, превращаясь в их собственные нравственные убеждения;

2) деструктивный механизм (сублимация). Если закон детально регулирует все аспекты жизни, у индивида атрофируется способность к самостоятельному моральному выбору; он привыкает действовать по инструкции, а не по совести. Это порождает феномен, который можно назвать «моральным инфантилизмом»: человек перестает быть моральным субъектом, превращаясь в простого исполнителя правовых предписаний.

Кроме того, право может оказывать влияние на нравственность через формирование правосознания. Если закон воспринимается как справедливый, он укрепляет доверие к социальным институтам и способствует интеграции общества. Если закон воспринимается как несправедливый, он порождает правовой нигилизм и отчуждение.

Для описания этих сложных диалектических отношений автор предлагает ввести понятие «нормативного кругооборота». В отличие от линейной схемы, нормативный кругооборот представляет собой замкнутый цикл, включающий следующие стадии:

1. Стадия зарождения. В гибридной субъективности индивида (формируемой под влиянием традиции, языка, культурного бессознательного, а также цифровой среды) возникает нравственная идея – представление о должном, справедливом, правильном.

2. Стадия интересубъективного отбора. Идея проходит проверку в пространстве (цифровой) интересубъективности. На эмпирическом уровне она конкурирует с другими идеями, используя различные ресурсы. На нормативном уровне она подвергается дискурсивному испытанию. Если идея выдерживает это испытание и получает широкое признание, она становится моральной нормой.

3. Стадия объективации. Моральная норма, получившая общественную поддержку, объективируется в праве – получает формально-определенное выражение в законах и подкрепляется возможностью государственного принуждения.

4. Стадия обратного влияния (педагогическая). Объективированная в праве норма начинает оказывать воздействие на общественное сознание. Через механизмы социализации, правового воспитания, судебной практики она интернализируется индивидами в их нравственные интуиции. Это влияние может способствовать культивации новых моральных чувств, но может быть и деструктивным (атрофия моральной субъектности).

5. Возврат к стадии зарождения (на новом уровне). Поколения индивидов, чье нравственное сознание сформировано под влиянием действующего права, начинают продуцировать нравственные идеи, которые могут как подтверждать, так и оспаривать существующие нормы.

Эта модель имеет ряд преимуществ по сравнению с линейной: она объясняет динамику нормативных систем, их способность к саморазвитию и самокоррекции; учитывает временное запаздывание между изменением права и изменением морали, а также возможные диссонансы; позволяет анализировать патологии нормативной регуляции: разрывы в кругообороте, когда право «отрывается» от морали, когда мораль конструируется искусственно, когда субъективность подавляется алгоритмами.

Заключение

Предпринятое исследование позволяет сформулировать контуры новой концепции в понимании соотношения нравственности, морали и права – парадигмы, которую можно назвать антропо-технологическим синтезом. Ее основные тезисы могут быть резюмированы следующим образом:

1. Социальная реальность едина, но гетерогенна, не сводится ни к материальным структурам, ни к субъективным переживаниям, ни к технологическим артефактам. Представляет собой сложную систему, включающую: человеческую субъективность (индивидуальное сознание с его нравственными интуициями); интересубъективные структуры (язык, традиция, культурное бессознательное, а также дискурсивные практики); технологические (цифровые) артефакты, обладающие собственной агентностью и способностью модифицировать социальные связи.

2. Источником нормативности выступает не чистый субъект, а гибридная субъективность. В цифровую эпоху индивидуальное сознание формируется в симбиозе с алгоритмической средой, которая выступает не просто внешним инструментом, но со-автором когнитивных и эмоциональных процессов. Это не отменяет уникальности человеческого переживания, но существенно усложняет вопрос об авторстве нравственных идей.

3. Механизмом выбора норм служит цифровая интересубъективность, требующая новых этико-правовых гарантий своей подлинности. Процесс превращения индивидуальных идей в моральные нормы сегодня происходит в цифровом пространстве, которое создает как беспрецедентные возможности для коммуникации, так и новые риски (симуляция консенсуса, манипуляция, поляризация). Подлинная интересубъективность требует прозрачности алгоритмов, идентификации субъектов и защиты от манипуляций.

4. Право и мораль связаны отношением не линейной причинности, а нормативного кругооборота. Право не просто объективирует моральные консенсусы, но и активно формирует их через педагогическое воздействие (культивация новых моральных чувств) и через формирование правосознания. Этот кругооборот может давать сбои (разрывы), которые проявляются как правовой нигилизм, отчуждение от закона или моральный инфантилизм.

5. Новая концепция требует отказа от антропоцентризма в пользу антропо-технологического синтеза. Человек не «царь природы» и не «мера всех вещей» в старом смысле. Он включен в сложные сети взаимодействий с технологическими агентами, которые модифицируют его субъективность и социальные связи. Это означает, что человеческое должно быть переосмыслено в новом, более сложном контексте.

Предложенная модель открывает ряд перспективных направлений для дальнейших исследований:

- 1) разработка конкретных моделей «цифровой интерсубъективности» для разных социальных сфер;
- 2) создание методик оценки «педагогического потенциала» законов;
- 3) философский анализ алгоритмической этики;
- 4) исследование патологий нормативного кругооборота;
- 5) сравнительный анализ различных культурных контекстов.

Предложенная концепция не является завершенной теорией, но скорее исследовательской программой, задающей направление для дальнейших изысканий. Ее ценность – в постановке новых вопросов, в выявлении «слепых зон» существующих подходов, в интеграции различных философских традиций для решения актуальных проблем современности. Только так философия может выполнить свою миссию – быть не просто комментарием к прошлому, но инструментом понимания и преобразования настоящего, а также методологией прогнозирования будущего.

Источники | References

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
2. Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983.
3. Кузнецова Е. И., Положенская Н. О. Цифровая реальность как среда социализации личности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10 (114).
4. Латур Б. Нового Времени не было: эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
5. Марков Б. В. Мораль и право в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 4.
6. Назарова Ю. В. Кодекс профессиональной этики в контексте цифровизации // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12 (128).
7. Пржиленский В. И., Пржиленский И. В. Новые образы социальной реальности в цифровую эпоху // Общество: философия, история, культура. 2024. № 2 (118).
8. Удалова Л. В. Цифровое общество: риски и вызовы приватности // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2025. № 3 (42).
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2000.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Сухум: Апсны, 2023.
11. Юнг К. Г. Архетип и символ / перевод; предисл. А. М. Руткевича, примеч. В. М. Бакусева и др. М.: Ренессанс, 1991.

Информация об авторах | Author information

RU**Большаков Евгений Владимирович¹**, к. филос. н.¹ Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации**EN****Evgeny Vladimirovich Bolshakov¹**, PhD¹ Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation¹ relativus@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.02.2026; опубликовано online (published online): 17.03.2026.

Ключевые слова (keywords): гибридная субъективность; нормативный кругооборот; парадигма антропо-технологического синтеза; социальная реальность; цифровая интерсубъективность; hybrid subjectivity; normative circulation; anthropo-technological synthesis paradigm; social reality; digital intersubjectivity.